

ЗОВ ГНИЛИ

Елизавета Мальчикова

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Елизавета Мальчикова

Зов гнили

«Автор»

2026

Мальчикова Е.

Зов гнили / Е. Мальчикова — «Автор», 2026

Бурый - один из лучших. Суровый, немногословный охотник, чья жизнь - это бесконечная погоня за тварями, что выходят из темноты. Новое задание кажется простым: в глухой деревне на болотах бесчинствует Кикимора. Она утаскивает под воду скот, и сводит с ума стариков. И только смерть нечисти вернёт покой деревни. Но ступив на топкую землю, Бурый понимает, что столкнулся не только с озлобленным духом, но и с чьей-то расчётливой волей. Чем глубже Бурый погружается в тайны топи, тем яснее становится страшная правда: за кровавым безумием Кикиморы стоит ведьма - мать той, кто сама не ведая того, овладела сердцем охотника. Дорогие друзья! Прошу заметить, что мои книги созданы по мифам, сказкам и мифологии славянской Руси, но не по реальным фактам. Не забывайте оценить книгу и приятного чтения!

© Мальчикова Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Слепая топь.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Елизавета Мальчикова

Зов гнили

Слепая топь.

Я распахнул глаза от удушливого запаха пригоревшей каши, ударившего в ноздри. Сон слетел мгновенно, сознание прояснилось быстро. Тело слушается, а мысли ворочаются с привычной ясностью, не замутнённые вчерашним хмельным мёдом. Я сел на лавке, свесив босые ноги на прохладный пол, и натянул порты из грубого полотна.

Глаза забегали по горнице: от закопчённого устья печи к прялке в углу, затем скользнули по тёмным половицам. В дальнем углу я заметил клубок льняной ткани. Наклонившись, я нашарил рубаху и натянул её через голову, расправляя складки.

— Встал уже? — голос за спиной заставил меня замереть.

Из-за печи вышла Вера. Она широко и любовно улыбается, глядя на меня с нежностью, и щёки её горят румянцем.

Это плохо. Очень плохо.

Я коротко кивнул, не оборачиваясь, и направился к двери. Вера стоит столбом, загораживая мне путь. Опершись плечом о косяк, она преградила дорогу.

— Куда ж ты собрался-то? — спросила она тихо.

— Сама знаешь, — бросил я, стараясь не встречаться с ней взглядом.

— Может, хватит уже? Набегался... — в её голосе прозвучала надежда.

— Пока нечисть жива, всё остальное — тлен, — отрезал я сухо.

Её пухлое лицо потемнело, огромные голубые глаза наполнились слезами. Я не выдержал и едва коснулся кончиками пальцев её румяной щеки. — Не надо...

— А может, не надо было мне под юбку лезть? — зло выплюнула она, сбрасывая мою руку.

Я опустил ладонь. Устало вздохнул. — Ты сама была не против, Вера. А я тебе ничего не обещал.

Поток горьких слёз уже не остановить. Она всхлипнула, а я почувствовал глухую тоску. Мы молчали несколько долгих мгновений, пока она, наконец, не скрылась в глубине горницы. Я же беспрепятственно вышел во двор.

Солнечный свет ослепил лишь на секунду. Следом сокрушительный кулак обрушился на моё лицо. Голова с хрустом мотнулась в сторону.

— И тебе не хворать, Алексей, — процедил я сквозь зубы, сплевывая кровь.

Передо мной стоит здоровенный детина — Богомир. Его густые чёрные брови сошлись на переносице, а широкие ноздри раздуваются так широко, что готовы втянуть весь летний воздух. Он снова занёс свой кулачище-молот для удара, но я ловко уклонился.

— Я не хочу драться! — пятаюсь назад, я лихорадочно шарил глазами по земле в поисках чего-нибудь тяжёлого.

Богомир оскалился: — Так и не дерись, ляг просто. А я буду тебя бить.

Хорошо придумал, ничего не скажешь!

— Ты сестру мою обидел, вот и отвечай перед ликом Волоса! — проревел он, делая шаг вперёд.

Я вновь увернулся от его размашистого удара и краем глаза увидел деревянное ведро с парным молоком.

— Сказать по правде, я её не обижал, — крикнул я, хватая ведро. — Более того, прошлой ночью она кричала не от боли, а от удовольствия!

Богомир взревел и ринулся на меня.

Я швырнул ведро ему навстречу. — Лови!

Молоко плеснуло во все стороны. Инстинктивно вытянув обе руки, чтобы поймать снаряд, гигант на мгновение потерял равновесие. Этого мне и хватило. Я сорвался с места, одним прыжком оказался возле своего жеребца, вскочил в седло и что есть мочи погнал его в глубокую чашу леса.

Солнечный свет пробивается сквозь густые кроны вековых деревьев не единым потоком, а отдельными, ослепительными копьями. На мшистой подстилке и траве эти лучи образуют живой, постоянно меняющийся узор из света и тени. В этих ярких пятнах танцуют пылинки и мошкара, а там, куда свет не достаёт, царит прохладная, бархатная тьма.

Лес полон звуков. Где-то высоко, в зелёной гущине листвы, раздаётся звонкая, переливчатая трель зяблика. Ему вторит монотонное «ку-ку», доносящееся издалека. Слышно мерное, усыпляющее гудение шмелей, которые деловито облетают цветы дикой малины.

Эту идиллию разорвал резкий, сухой треск сломанной ветки. Кто-то шёл по моим следам. Я зло ударил пятками по бокам коня, но не успел он сделать и десятка шагов. Путь преградила тёмная фигура — человек в глубоком капюшоне, словно выросший из-под земли.

Жеребец захрипел, вставая на дыбы с диким ржанием и, сбросив меня на траву, умчался прочь, ломая кусты.

— Вот же пекло! — выругался я, чувствуя, как горит ушибленное плечо.

Шаги незнакомца приблизились, хрустя прошлогодней листвой. Одним слитным движением я выхватил из голенища сапога клинок и вскочил на ноги, принимая низкую боевую стойку. Тело сработало само, годы тренировок взяли верх над секундной растерянностью.

Однако преследователь остановился в нескольких саженях от меня и медленно поднял руки, показывая пустые ладони.

— Ты Бурый? — его голос ровный, без тени страха.

Я прищурился, крепче сжимая рукоять ножа. — Смотря, кто спрашивает.

— Эгор моё имя, — представился он. — Моя деревня нуждается в твоих услугах.

— Я бесплатно не работаю, — отрезал я, не меняя стойки.

Эгор едва заметно усмехнулся уголком губ.

— На поясе у меня увесистый мешок златников. Коли сам согласишься, али разреши достать?

— Доставай, — разрешил я, не сводя с него глаз.

Он действовал нарочито медленно, чтобы не спровоцировать меня. Отвязав от пояса тяжёлый кожаный кошель, бросил его к моим ногам. Мешок глухо стукнул о землю. Я наклонился, поднял его. Вес приятно оттянул руку. Такой платы было более чем достаточно за любую работу.

— Сработаемся, — кивнул я, наконец расслабляя плечи. — Что за нечисть беснуется в твоих краях?

Сумерки сгустились быстро, превратив лесную чашу в переплетение чёрных теней. Ночью идти было бы безумием — именно в эти часы нечисть обретала полную силу. Мы нашли укрытие в неглубоком овраге, надёжно скрытом от чужих глаз густыми, поникшими ветвями старых берёз и раскидистых сосен. Здесь и решили заночевать.

Я сижу у небольшого, но жаркого костра, наблюдая, как пламя жадно лижет сухие поленья. Эгор молчит. Я не тороплю его. За годы своей службы я выучил один простой урок: если человек хоть раз видел истинное лицо тьмы, слова застревают в горле, словно комок прелой листвы. Рассказать об этом — значит заново пережить тот ужас, услышать скрежет когтей по дереву и утробное рычание в темноте. Это бремя каждый нёс в одиночку, пока не находил того, кому можно доверить свою ношу.

Я подбросил в огонь ещё одну ветку. Сноп искр взметнулся к небу, на мгновение осветив наши лица.

— Кикимора, — наконец нарушил Эгор тишину, сначала мы увидели следы. Огромные, нечеловеческие. Дальше-больше: она начала красть скот, по одной тушке, будто играла с нами. После, она пришла к моей сестре, издевалась над ней во сне — по ночам моя сестра блуждала по болоту, а на утро не помнила себя.

Мой голос прозвучал глухо, сливаясь с треском костра. — Почему Кикимора выбрала именно твою сестру?

— А мне почём знать? Приглянулась видно ей. — Процедил Эгор.

— Убила кого-нибудь?

Эгор устало покачал головой. — Всё к этому идёт, Бурый, я чувствую.

— Ложись, поспи, я останусь на карауле. — После минутной паузы сказал я.

— От чего такую работу выбрал ты? — Сонно спросил Эгор.

В памяти всплыла трупная рожа упыря, искажённая нечеловеческим голодом, с чёрными венами, проступающими под серой кожей. Я снова услышал влажный, утробный хруст, с которым он рвал на части плоть моей матери. Её крики... Тихий, захлёбывающийся вой, который до сих пор всплывал у меня в ушах по ночам.

А потом — холод. Ледяная вода речного омута, которая сомкнулась над головой моего лучшего друга. Я видел его глаза в последний миг — огромные, полные ужаса и непонимания. А затем его потянули вниз, в темноту, длинные зелёно-серые руки русалки.

Я сжал кулаки так, что костяшки побелели.

— Много причин, — наконец произнёс я вслух. Голос прозвучал глухо и безжизненно, словно чужой.

Весь следующий день мы брели под палящим солнцем, и только к вечеру, когда тени от деревьев вытянулись на восток, впереди показалась глухая деревня Эгора.

К тому времени, как мы вышли к околице, мужики уже успели расслабиться. Откуда-то сбоку доносился гул голосов и смех — несколько человек сидели у общего костра, передавая по кругу братину с медовухой. В окнах изб, затянутых бычьим пузырьём, мерцал тёплый свет лучин. От реки тянулась вереница женщин с огромными плетёными корзинами на сгибе локтя. Они негромко переговаривались, уставшие после дневных трудов. Казалось, все жили, как жили, не обращая внимание на бесовства Кикиморы, но присмотревшись, я заметил, как быстро исчезают улыбки на женских лицах, и как одна из них, замыкающая колонну слишком часто оглядывалась по сторонам.

Среди них одна фигура привлекла моё внимание больше остальных. Юная девушка с волосами цвета воронова крыла. Она не спешила домой вместе со всеми, а просто удручённо плелась за женщинами. Она подняла голову и увидела нас. Тень улыбки коснулась её лица, поставив свою корзину на землю, она дождалась, пока процессия пройдёт мимо, и направилась к нам. Приблизившись, она без слов обняла Эгора, но её взгляд был прикован ко мне. Я заметил, как её тонкие пальцы неистово теребят яркий косник, вплетённый в тяжёлую косу. Эгор лишь крепче прижал сестру к себе.

— Иди домой, Дзера. Я скоро вернусь, — его голос был мягок, но не терпел возражений.

Она снова метнула в меня быстрый, настороженный взгляд, подхватила корзину и, не проронив ни слова, скрылась в сгущающихся сумерках.

— Сестра моя, — пояснил Эгор, провожая её взглядом. — К ней приходила болотная тварь.

Я кивнул.

Мы обогнули деревню по широкой дуге, чтобы не привлекать лишнего внимания, и остановились у старой, покосившейся избы на самом отшибе. Эгор трижды стукнул кулаком в мас-

сивную дверь. Спустя мгновение она со скрипом отворилась. На пороге стояла древняя старуха с ястребиным профилем и глазами, которые, казалось, видели насквозь.

— Скажи старейшине, что охотник здесь. Завтра ждём ответ, — бросил ей Эгор.

Старуха не сдвинулась с места. Она медленно оглядела меня с головы до ног, словно оценивая товар на торжище. Её взгляд задержался на моих пустых руках.

— Чем отбиваться-то будешь, охотник? — фыркнула она, и в её голосе прозвучало нескрываемое презрение. — Гляжу, у тебя даже клинка нет.

Я усмехнулся, но внутри шевельнулась досада. Она была права: вся моя снаряга, притороченная к седлу, сгинула вместе с конём.

— Словом божьим, — ответил я, отшучиваясь.

Старуха лишь хмыкнула: — Ну да, ну да...

Эгор развернулся, и я последовал за ним прочь от избы. Но когда мы уже отошли на несколько шагов, старуха снова подала голос: — Конь-то твой какой прожорливый оказался! Столько сена у нас съел...

Я замер на секунду, а затем по моим губам скользнула усмешка. Усмешка облегчения. Живы будем — не помрём, подумал я.

Эгор любезно предложил мне лавку в своей избе, но я отказался. Ночь, проведённая под чужой крышей, сковывала бы меня. Мне нужен был запах сена и тихое фыркание. Я направился к своему другу.

Пуня встретила меня густым, терпким ароматом — запахом свежего сена, овса и сухих опилок. Я прошёл по утопанному земляному полу вглубь помещения. В самом дальнем углу, отделённый от остальных лошадей невысоким плетнём, стоял он. Мой чёрный красавец.

Он не обернулся на мои шаги, лишь мерно двигал челюстями, пережёвывая охапку сена. Я подошёл вплотную и положил ладонь на его горячую, блестящую в полумраке шею. Конь повёл кожей, но не проявил радости. Он просто сделал шаг в сторону, гордо игнорируя моё вторжение. — Знаю, знаю... — тихо шепнул я, убирая руку. — Не сердчай.

Взгляд упал на кучу сброшенного снаряжения, что валялось в углу на ворохе соломы. Мои походные мешки с травами, кожаные поручи и наручи, броня, не раз спасавшая мне жизнь, — всё было здесь. Но не это я искал. Я опустил на колени и начал лихорадочно ворошить снаряжение. Где же оно?

Я отбросил в сторону отцовский клинок в простых ножнах, затем — меч, выкованный специально для меня, подарок князя Эдгара. Пальцы судорожно перебирали ремни и пряжки. Пусто.

Украли. Мрази.

Я поднялся с первыми петухами. Холодная вода из глиняного кувшина обожгла кожу, смывая дорожную пыль и остатки мутной дремоты. Быстро облачившись в привычную одежду и проверив снарягу, я вышел из пуни. Утренний воздух был свеж и пах дымом от растапливаемых печей.

Дом старейшины стоял на окраине деревни, на небольшом возвышении. Туда я и направился, но не успел сделать и десятка шагов, как тишину разорвал пронзительный детский визг: — Вече-е-е! Слово пролетело над крышами изб, и деревня начала оживать, словно огромный зверь, потревоженный во сне. Народ скапливался тягуче, неохотно. Женщины, проходя мимо меня, тут же понижали голос до шёпота, их взгляды были полны суеверного страха и бабьего любопытства. Мужики смотрели исподлобья, тяжело и неодобрительно, сжимая кулаки. Для них я был чужаком, которого здесь не ждали.

Неожиданно я почувствовал резкий толчок в спину — кто-то нарочно ударил меня плечом. Я остановился и медленно обернулся. На меня уставились двое. Один — высокий, жилистый детина, лишь чуть ниже меня ростом. Второй — пониже, но невероятно коренастый, похожий на дубовый пень; его руки бугрились мышцами.

Высокий сплюнул мне под ноги жёлтой струёй, и повторил, ни к кому конкретно не обращаясь, но явно для всех: — Это чтоль охотник? Вырядился...

Толпа вокруг нас стала плотнее, образуя молчаливое кольцо зрителей, жаждущих зрелища, а зрелища не избежать.

— Верни то, что взял — мой голос прозвучал тихо, но от него веяло холодом.

Высокий вальяжно, вразвалку подошёл ко мне, демонстративно поднял кулак к самому моему лицу и медленно разжал пальцы. На грязной ладони блеснуло серебро. Кольцо моей матери.

— Мало тебе ещё цапок? — процедил он, обнажая гнилые зубы в кривой ухмылке.

Я опустил голову, пряча вспыхнувшую ярость за маской ледяного спокойствия. Спокойствие — это тоже оружие.

— Каждый раз одно и то же... — я картинно покачал головой, словно имел дело с неразумными детьми. Вдохнул. — Просто отдай, что взял, и иди своей дорогой.

Его коренастый приятель заржал, издав звук, похожий на хрюканье кабана: — Гыыы А ты заberi!

Это стало последней каплей. Моё тело сработало само, опередив мысль. Одно резкое, почти незаметное движение — и кольцо уже перекочевало из его руки под мой кожаный наруч.

Высокому это очень не понравилось. Его лицо побагровело, а глаза налились кровью.

— Мы тебя сюда не звали! — прорычал он и сделал размашистый шаг вперёд, заноса кулак для удара. Мои мышцы напряглись, тело само заняло знакомую боевую стойку.

Но драка не состоялась. Из толпы решительно вышел Эгор, а следом за ним — низенький сухой старик.

— Я его позвал, — голос старика был тихим, но обладал такой внутренней силой, что заставлял замолчать. Задиры неохотно отступили в сторону, продолжая прожигать меня злыми взглядами.

— Мы бы и сами справились! — огрызнулся коренастый, пытаясь сохранить остатки достоинства.

Эгор вдруг сделал несколько быстрых, стремительных шагов и стальной хваткой вцепился в горло коренастому.

— Тварь мучает мою сестру, думаешь, я буду просто стоять в стороне?! — прошипел он.

Высокий навис над Эгором, тяжело дыша ему в лицо: — Молчал бы ты, волхв, пока твоя мамаша-ведьма может спокойно гулять по лесам

— Замолчите все! — рявкнул старейшина.

В воцарившейся тишине его низкий голос прозвучал как приговор: — Совет принял решение. Охотник нанят.

— Благодарю, — сухо бросил я, разворачиваясь, чтобы уйти.

Но старик продолжил, и его слова пригвоздили меня к месту: — В сопровождение наших мужей: Андрея, — он кивнул на высокого, — Эгора и Станислава.

Гордец Андрей приосанился и двинулся ко мне с видом победителя.

«Приятно познакомиться», — саркастично подумал я, глядя на его самодовольную рожу. Но вслух сказал, чеканя каждое слово: — Я работаю один!

— Решения совета не обсуждаются, — отрезал старейшина, воздев руку к небу. — Да хранит вас великий Перун!

В нос ударил гнилостный, сладковатый запах — смесь застоявшегося ила, мокрой травы и прелого мха. Над болотом, словно вестник беды, каркнула ворона и, тяжело взмахнув крыльями, взметнулась к свинцовому небу.

Я шёл медленно, прощупывая каждый шаг. Эгор держался чуть поодаль, за моей спиной сопели те двое. Я слышал их тяжёлое дыхание и раздражённое ворчание. Внезапно сзади раздался громкий треск сухой ветки. Я резко обернулся.

— Надо отлить, — развязывая порты, заявил Андрей и шагнул в сторону от едва заметной тропы.

Его нога с мягким, чавкающим звуком провалилась в бездну. В первый миг он, кажется, не понял, что произошло. Но уже через секунду трясина жадно засосала его по колено.

— Замри, — спокойно сказал я, но он не послушал.

Он истошно заорал и начал барахтаться, пытаясь выбраться. Это была его огромная ошибка. Чем сильнее он дёргался, тем быстрее его засасывало. Болото заглатывало его ногу всё глубже и глубже.

— Да замри же ты! — рявкнул я, медленно приближаясь к краю топи и выставив руку назад, чтобы остановить остальных. — Всем стоять на месте!

Андрей тонул быстро и неотвратимо. Он бился, как пойманная в сеть птица, лишь ускоряя свой конец. Я быстро оценил обстановку, глазами выискивая более-менее твёрдые кочки. Скинув с себя снарягу, чтобы не утянуло следом, я ступил на мокрый, пружинящий мох.

Вытащив из ножен меч, я рукоятью со всей силы ударил Андрея по затылку. Он обмяк, и его тело перестало бороться с трясинной, но всё равно продолжало медленно погружаться. У нас было всего несколько мгновений.

Я подполз ближе и вцепился в его подмышки. Трясина сопротивлялась, не желая отдавать свою добычу.

— Никаких резких движений. Я вытащу тебя, понял? — прохрипел я.

— Угу... — лихорадочно закивал он, приходя в себя.

— Эгор! Найди длинную, не обветшалую палку! Брось ему и тяни на себя! Но не подходи ближе! — Понял! — Эгор метнулся к сухому дереву и с треском отломил толстую ветвь.

Я тянул Андрея на себя из последних сил, чувствуя, как болото сопротивляется каждому моему движению. Эгор бросил палку.

— Хватайся и подтягивайся! — крикнул он, поняв мой план.

Андрей ухватился за неё мёртвой хваткой.

Совместным рывком мы потянули. Показался живот Андрея. Ещё одно невероятное усилие... Рывок! Я увидел его ноги.

— Только не барахтай ногами! — выдохнул я.

Последним резким усилием я выдернул его из вязких объятий трясинны и оттащил на твёрдую землю. Эгор упал на траву рядом с нами. Я и сам рухнул на мокрую кочку, тяжело дыша.

— Отныне... слушай меня... — с трудом выдавил я из себя между вдохами.

Внезапно всё изменилось. Воздух стал густым и тяжёлым. Илистая вода на болоте пошла мелкой рябью без всякого ветра. Высокая трава будто застыла в неестественных позах. Карканье ворон резко оборвалось, уступив место оглушающей тишине.

А затем тишину разорвал пронзительный, сводящий с ума женский голос. Он доносился отовсюду и ниоткуда одновременно: — Давно я тебя не видела... волхв. Какого красивого охотника ты мне привёл...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.